

Николай
СЕМЧЕНКО

Великан
Калгама
и его друзья

издательские решения

Николай Семченко

Великан Калгама и его друзья

«Издательские решения»

2014

Семченко Н. В.

Великан Калгама и его друзья / Н. В. Семченко — «Издательские решения», 2014

О «снежном человеке» слышали все, о Калгаме – навряд ли. Этого великана придумали нанайцы – народ, живущий на берегах великой дальневосточной реки Амур. В их легендах рассказывается о великане Калгаме. Он – хозяин гор, скал и рек, ведающий пушным зверем и рыбой. Повесть «Великан Калгама и его друзья» – это сказка. Она основана на мифах, сказках и преданиях малых народов Севера. В детской литературе уже есть великаны, самый известный из которых, пожалуй, Шрек. И пока никто не знает о Калгаме, родина которого – Амур, Дальний Восток России. Возможно, вам будет интересно узнать, что кроме американского Шрека существует и российский великан Калгама...

© Семченко Н. В., 2014

© Издательские решения, 2014

Содержание

О настоящих нанайцах и их сказках	6
Глава первая, в которой толстолобики прыгают в лодки	9
Глава вторая, в которой медведь ходит с кувшином на голове	14
Глава третья, в которой Калгама отправляется на смотрины прекрасной Фудин	18
Глава четвёртая, в которой появляются злые Амбакта и Хондори-чако	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Великан Калгама и его друзья

Николай Семченко

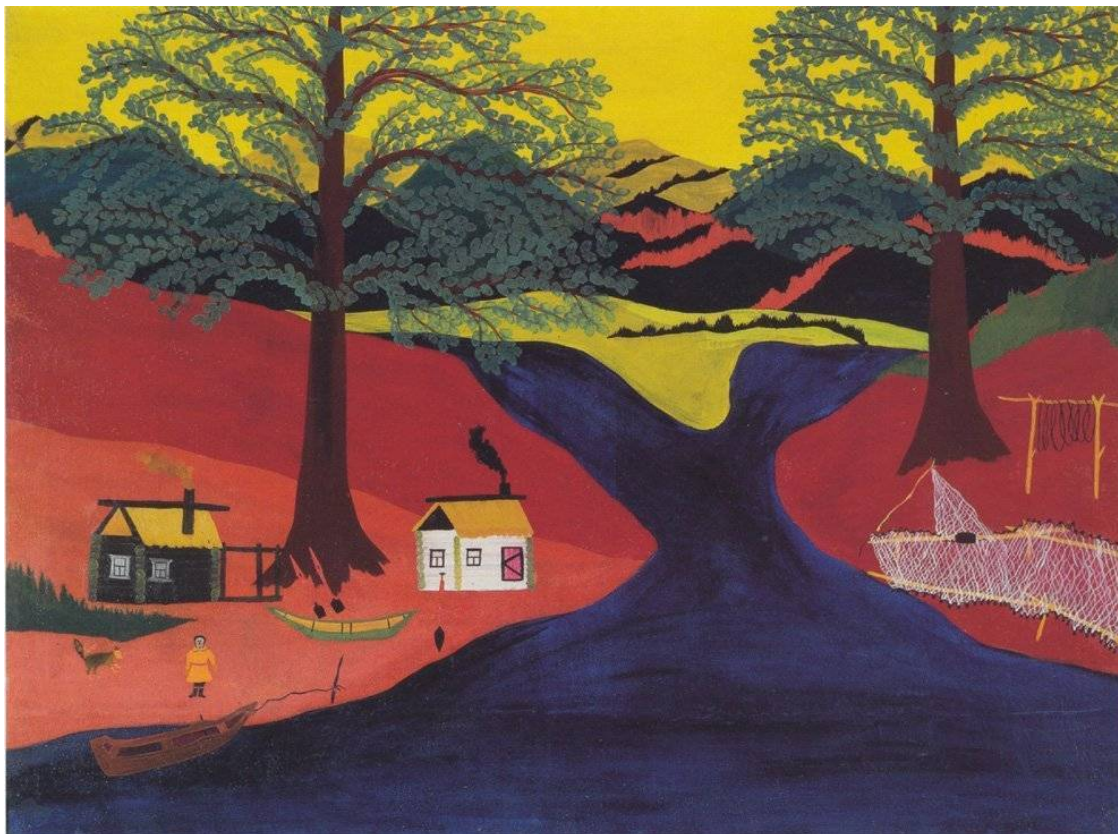
© Николай Семченко, 2014

© Евгений Морозов, иллюстрации, 2014

© Очу Росугбу, иллюстрации, 2014

Редактор Николай Семченко

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Художник К. А. Панков, «Рыболовецкий поселок»

О настоящих нанайцах и их сказках

Когда ты слышишь слово «нанайцы», кто тебе вспоминается? Может, певцы из группы «На-на», ставшие потом «Иванушками Интэрнэшнлз»? Из-за этого «на-на» их долгое время называли нанайцами.

Настоящие нанайцы не они. Настоящие нанайцы живут на берегах великой дальневосточной реки Амур и её притоков. Они – древний народ, славящийся своими умелыми рыбаками и ловкими охотниками, искусными мастерицами и мудрыми сказителями. Меха, добытые амурскими промысловиками, высоко ценятся на мировых пушных аукционах. Рыба лососевых пород, приготовленная по старинным рецептам, считается превосходным деликатесом. Ковры, халаты и другие изделия местных мастериц, украшенные затейливой вышивкой, выставлены в лучших музеях мира. Учёные считают: в орнаментах, бережно сохраняемых с незапамятных времён, зашифрована очень важная информация о жизни и воззрениях предков нанайцев. Суметь бы её прочитать!

Нанайцы – весёлый, добродушный народ. Потому, когда их именем стали называть модных певцов, они лукаво улыбались и ни капельки не обижались. Пусть ребята резвятся на сцене! Кстати, их певца Кола Бельды помнят во многих странах. Ты, наверное, тоже слышал хоть одну его песню: «Увезу тебя я в тундру», «Чукча в чуме ждёт рассвета...» Вспомнил?

А ещё многие почему-то вечно путают «чукотских» и «нанайских» мальчиков. Есть такой эстрадный номер: на сцене как бы борются два паренька, а потом оказывается – номер показывал один человек. На самом деле это чукотская забава, а у нанайцев достаточно своих народных игр.

Раз в год нанайцы собираются на большой праздник. На нём соревнуются их мастера национальных видов спорта, устраиваются гонки на байдарках и оморочках, проводятся выставки декоративно-прикладного искусства, местные кулинары удивляют народ яствами, приготовленными по рецептам прабабушек, а сказители рассказывают и детям, и взрослым легенды, сказки и были.

Прежде, чем начать сказку, рассказчик обязательно произносит междометие-закливание: «Ка-а! Ка-а!» По поверьям, оно оберегало рассказ от бусяку – мифических существ, похожих на наших чертей. Слова, как считают нанайцы, обладают магической силой, и если злой дух услышит их, то может как бы «внедриться» в них, помешать добру победить зло, изменить судьбу не только героев повествования, но и тех, кто слушает рассказчика.

О «снежном человеке» слышали все, о Калгаме навряд ли. Впервые был о нём я узнал лет двадцать назад от старой художницы Чикүэ Золонговны Киле. Рассказ она начала так: – Давным-давно, когда нанайцы жили под тремя солнцами...

Три солнца, о которых напоявила Чикүэ Золонговна, вполне возможно, поэтическое отражение природного катаклизма, некогда постигшего нашу планету. Учёные выяснили: давным-давно, тысячи лет назад, над Землёй пролетали большие кометы, их вполне можно было принять за «дополнительные» солнцушки.

– Вот тогда-то и жил в нашей тайге великан Калгама, – рассказывала Чикүэ Золонговна. – Он – хозяин гор, скал и рек, ведает пушиным зверем и рыбой. Голова у него острокопечная, руки двупалые, ноги длинные, сам весь шерстью порос...

В других легендах о Калгаме, которые мне довелось услышать от сказителей, он описывался ещё и как большой человек, поросший шерстью, с маленькими глазами, неизвестно откуда появляющийся и неведь куда пропадающий. Поведками он явно напоминал всем известного йети – «снежного человека», который тоже обладает поразительной способностью перемещаться в пространстве.

Амурский сказочный великан звался Калгаму – у негидальцев, Кагдяму – у орочей, Кал-
дяма – у ульчей, Калу – у эвенков. Причем, эвенки были убеждены: великан – это всё равно,
что человек, только не любит жить среди людей.

По одним вариантам легенд северных народов, калгамы живут племенами в горных
ущельях, питаются древесной смолой, мясом лосей и рыбой. У них есть целые стойбища
и, соответственно, они строят жилища, пользуются огнём, но при этом ведут скрытный
образ жизни. Если люди нечаянно обнаруживают место их обитания, калгамы покидают его,
не оставляя никаких следов.

Любопытны мифы, описывающие взаимоотношения калгам и людей. Великаны иногда
якобы похищают охотников, которые излишне усердно бьют таёжных зверей, – как бы нака-
зывают за нерадивое отношение к экологии. Сами калгамы бережно относятся к обите-
лям тайги, лишнего от природы не берут.

Существует и такое поверье. У калгам есть охотничьи сумки, в которых хранятся шер-
стинки – по легендам, это ни что иное, как души промыслового зверя. Получить этот талис-
ман, а вместе с ним силу, охотничью удачу и богатство мечтали многие охотники. Но, если
верить мифам, для этого нужно было победить великана, что удавалось только самым силь-
ным мужчинам. И всё равно волшебная сумка счастья не приносила, если жадный человек
брал от тайги больше, чем надо.

Наверняка миф о Калгаме появился не случайно. Любая былина или сказка – отражение
реальности, порой в чрезвычайно причудливых формах. Возможно, северные народы в глубо-
кой древности действительно соседствовали с волосатыми великанами, которые были одной
из тупиковых ветвей эволюции человека. А может, и не совсем тупиковой. Ведь сообщения
о «снежном человеке» с завидной регулярностью появляются в газетах, журналах и на теле-
видении.

Калгама, наверно, всё ещё живёт в тайге, только умело прячется от людей. Вот только
взрослые не всегда верят сказкам. Некоторые из них, правда, ищут «снежного человека»
в далёком Тибете, на горах Алтая или в Америке. А он, может, где-то рядом. И с обидой
смотрит, как человек вырубает его родную тайгу.

Но если даже и нет Калгамы на самом деле, то в сказке есть хороший намёк: не вреди
природе, береги её, иначе жди беды.

Наверное, я утомил тебя таким длинным предисловием. Извини, но мне хотелось, во-
первых, хоть чуть-чуть рассказать о нанайцах, во-вторых, история, которую ты прочита-
ешь, написана по мотивам легенд, былей и сказок этого народа, а в-третьих, не удивляйся,
пожалуйста, если встретишь незнакомые слова – без них просто трудно было обойтись, но их
значения я «расшифровал» прямо в тексте.

Первым главы из этой книги напечатал замечательный детский журнал «Костёр».
Когда я был маленьким, очень любил его читать. И даже когда стал взрослым, не забыл
его и по-прежнему читаю. Когда-то он опубликовал мои первые стихи и сказки. И однажды
напечатал мой рисунок: зима, дети катаются с горок, вокруг стоят большие зеленые ели,
падают снежинки...

«Костёр» представил «Великана Калгаму» как будущую книгу. Причём, дважды: в обыч-
ном номере журнала и в специальном выпуске, который предназначался для библиотек север-
ных регионов России. Большое ему за это спасибо!

Иллюстрации, которые ты увидишь в этой книге, нарисовал прекрасный художник Евге-
ний Морозов. Мне они очень нравятся. Думаю, и тебе тоже понравятся.

Итак, начну. А для начала, как водится, выговорю это словечко сказителей: ка-а, ка-а!

Глава первая, в которой толстолобики прыгают в лодки

Место для дома великан Калгама выбрал на высоком берегу реки. С крутояра далеко окрест видны луга, сопки, леса и перелески. Даже в самый жаркий день тут было прохладно: дул свежий ветерок, а сень могучих дубов укрывала от палящих лучей солнца.

Если ветер задрёмывал где-нибудь в зарослях ивы, Калгама будил его свистом. Засоня подскакивал, оторопело выдыхал: ух! – и деревца пригибались к земле, а трава шла волнами.

Ночью над жилищем Калгамы нависали звёзды: Илан хосикта – три светила, Дяри – Голова медведя, Хада – Полярная звезда, но больше всех ему нравилась Поракта – Венера: она была очень яркой и светилась красивым голубым цветом. Люди, которые жили ниже по течению в небольшом стойбище, тоже смотрели на звёзды. Они почему-то считали их божествами и даже молились Полярной звезде:

– Хосикта, пик-тэн энусинэй аячо гуасели ольгим вагори!

Люди называли себя нанайцами, и Калгама хорошо понимал их язык. Если перевести молитву, то получится: «Звезда, за здоровье больного ребёнка подарю тебе свинью».

Калгама знал: домашняя свинья – очень ценное животное, люди старательно ухаживали за хрюшками, их мясо считалось вкуснее и нежнее свеженины вепря. Да и попробуй-ка, добудь

ещё его! А вот Калгама без труда любого зверя поймает. Если, конечно, захочет. Потому что он больше любит ягоды, грибы, побеги папоротника, луковицы саран или корешки полезных трав. А звери пусть живут себе спокойно, они – наши младшие братья как-никак.

Нанайцы сторонились Калгаму и даже пугали им детей. Ну, виноват ли он, что таким уродился? Остроголовый, глаза – голубые, ласковые, так и светятся звёздочками, но, увы, глубоко посажены, да ещё кустистые брови над ними нависают. Ростом Калгама настоящий великан: больше трех метров, а если захочет, то вровень с самым высоким деревом встанет. Как это у него получалось, он и сам не знает. Просто – может, и всё. Если надо, он умеет и невидимым становиться.

Стоит Калгаме только подумать: «Меня не видно» – и, пожалуйста, будто шапка-невидимка его накрывала. Люди знали об этой его особенности и, если требовалось урезонить расшалившихся малышей, прикрикивали:

– А ну, тише! Вот придёт Калгама и утащит в своё логово! Подкрадётся, невидимый, цап-царап и схватит самых непослушных!

Калгама вообще-то обижался: детей никогда не пугал, зачем напраслину на него возводят? И никакое у него не логово, а очень даже уютный домик. Он построил его из бревен лиственницы, крыша надёжно покрыта корой дуба, даже сильный ливень не промочит. Внутри уютно: стол у окна, резные стулья из липы, кровать в углу всегда заправлена, на полу ни пылинки – Калгама любит чистоту. Какое ж это логово, а?

– Уж никак не хуже, чем у Чумбоки! – проворчал Каргама и посмотрел из-под руки на поселение людей.

Чумбока жил с женой почти у самого берега. Фанза у них старая, дырявая, надо бы давно отремонтировать, да Чумбоке всё недосуг: то поспать охота, то погода плохая, то в спине кольнёт, то голова заболит. Но два дела он хорошо делал: рыбу ловить и трубочку курить. Золотистые сазаны, казалось, сами заходили в невод Чумбоки, да большие такие, жирные! Никогда он без рыбы не оставался. А уж если начинал курить, то люди пугались: никак пожар! Сизые клубы дыма закрывали всё небо, дышать нечем, испуганные птицы с криком в тайгу летели.

Как накурится Чумбока, так спать заваливается. Хоть в десять бубнов бей над ухом – даже не пошевелится. И жена его, Койныт, ему под стать: наестся ухи из сазанов, обложет сладкие рыбки головки – и на боковую, даже котёл не помоеет. «А что его мыть-то? – рассуждает. – Выставлю во двор, пусть дождик сполоснёт. Зря, что ли, вода с неба льётся!»

На этот раз Чумбока не спал. Калгама видел: он сталкивал оморочку на воду. Неплохая, кстати, у Чумбоки оморочка: легкая, из берёзового ствола выдолбленная, она наперегонки с ветром по реке летела – такая ходкая! А тут, только хозяин в неё запрыгнул, быстрее самой резвой чайки оказалась. Другие лодки за ней не поспевали. А высыпало их на реку ого сколько, десятка два. Гребцы стараются, из всех сил вёслами машут. Брызги на солнце так и сверкают!

– Соревнования, что ли? – подумал Калгама. Но присмотрелся и понял причину переполоха: реку переплывал изюбр. Зверь в воде – слишком лёгкая добыча, и мужчины стойбища решили не упускать свой шанс.

Изюбр испугался людей на лодках и поплыл ещё быстрее, но течение сносило его к преследователям. Чумбока ближе всех к нему подплыл и, радостный, уже лук с плеча снял. Сейчас начнёт целиться в оленя.

– Ну, нет! – решил Калгама. – Изюбр беззащитный, надо ему помочь.

Несколько прыжков – и великан оказался на берегу. Вошёл в реку, она ему по колено, схватил изюбра за холку и, как котёнка, вынес на песчаную косу.

– Беги, давай! – сказал он изюбрю. – Если тут есть настоящий охотник, то он тебя всегда догонит. Так будет честно.

Люди в лодках удивились: как это так получилось, что добыча из-под носа у них ушла? Калгама-то специально невидимым сделался, не показался им. Один Чумбока догадался:

– Оленю великан помог, вот что! – заявил он. – Калгама лесных животных жалеет. Слишком добрый! А наши жёны и дети сегодня без ужина останутся. Их ему не жалко!

Народ зашумел, завозмущался:

– Ах, уж этот Калгама! Вечно что-нибудь учудит!

Это они, наверно, вспомнили, как Калгама над Чумбокой и женой его Койныт однажды подшутил. Женщина-то известная лежебока-засоня, можно сказать, спит на ходу. А чтобы муж не упрекал её в сонливости, объявила себя предсказательницей: мол, что ей приснится, то в жизни и случится.

Да ведь хитрая какая! Вернётся Чумбока с богатым уловом, она радостно улыбается: «Сон в руку! Мне всю ночь снилось: листья с берёз падают, да так много! Каждый листик рыбу означал. Не приснилось бы мне этого, ничего бы не поймал, вот!» А если приходил муж с охоты и приносил лисицу, Койныт вещала: «Так и знала! Я во сне горячую чурку в очаге ворочала. Чурка длинная, красная – как лисий хвост. Вот лисица и попалась тебе. Если бы не я, даже бурндука не добыл бы!»

Чумбока сердился, но на всякий случай прислушивался к словам Койныт. Мало ли... Чего только на свете не бывает. У всех жёны как жёны – обычные, а у него – вещунья. Как примется свои сны женщинам рассказывать, те удивляются: надо же, какая ясновидица! А уж если возьмётся чужие сны разгадывать, то такого наговорит – хоть стой, хоть падай. Что правда, что нет – поди-ка, разберись, а сбудется – не сбудется, это уже другой вопрос, потому что Койныт советовала: «Сон предупреждает. Не хочешь, чтоб явью стал, того-то и того-то не делай...» Но если что-то плохое всё-таки случалось, у неё отговорка наготове: «Никудышно, соседка, старалась! Сама виновата!» И что тут в ответ скажешь?

Калгама решил подшутить над Койныт. Как-то раз, когда она храпака задавала, аж с кедра шишки падали, сгреб он постель со спящей ленивицей да и оттащил на сопку.

Проснулась Койныт: «Ой, ну и приснится же! Саран-то кругом, ох, как много: одна к другой как на огороде растут. Надо бы их луковиц накопать, Чумбока их любит. Да чем копать-то стану? Нет уж, лучше ещё посплю. Может, другой сон приснится?»

Долго ли, коротко ли, снова глаза открыла, зевнула: «Охо-хо-хо, никак всё ещё сплю? В жизни не видела столько голубицы, на каждом кустике – ягод с ведро, не меньше! Хороший сон, однако. Вот бы на самом деле в этом ягоднике оказаться...»

Где сон, где явь, Койныт не поняла. Чумбоки-то рядом нет. Тому надоест храпящая жена, он и двинет её локтем, а то и вовсе разбудит: «Хватит дрыхнуть! Иди еду варить!»

А тут – никто Койныт не будит, почивать не мешает. Ну, и решила она: всё ей снится – и красные сараны, и голубица, и ягода-калина, и всякие полезные травки со сладкими корешками. Проснётся, поглядит вокруг, постель поправит и снова на боковую. «Хорошо, Чумбока хоть не снится, – задрёмывая, подумает. – Вечно он мешает самые лучшие сны доглядеть! Ох, хороший, однако, сон. Всегда бы такое снилось!»

Калгама не знал, что и делать. Он-то думал: проснётся Койныт в незнакомом месте – испугается, решит: меньше нужно спать, а то и не такое ещё приключится. Но куда там! Койныт неделю спала, и ещё, наверно, столько бы продремала, да Калгама решил: шутка не получилась, нужно женщину обратно домой вернуть. Но только он поднял её на руки, как Койныт проснулась.

– Келе, ой, келе! – испуганно закричала она. – Зачем ты снишься мне?

Келе значит чёрт. А Калгама всё-таки великан и с нечистой силой ничего общего не имеет.

– Вот ещё выдумала, никакой я не чёрт, – насупился он. – Меня Калгама зовут. И не снюсь тебе. Настоящий я!

Койныт ещё сильнее испугалась. Спрыгнула с рук Калгамы и, что есть силы, бросилась к селу. Только пятки засверкали!

Только тут простодушный Калгама вспомнил: забыл невидимым обернуться. Перепугал бедняжку своим видом. Эх, и корил же он себя за это!

А Койныт домой прибежала, дверь – на засов и, чуть дыша, возле очага рухнула.

– Где тебя семь дней носило? – заругался Чумбока. – Я столько рыбы наловил – соседи завидовали, а сейчас хихикают: вся она протухла! Я бы и сам её посолил и вялиться подвесил, да не мужское это дело...

– Ох, не знаешь ты ничего! – всхлипнула Койныт. – Меня ведь Калгама похищал. А тебе всё равно, где жена была. Хороший муж искать бы стал, а у тебя на уме одна рыбалка. Ничего и не заметил!

Виноватила Чумбоку как только могла. А тот не верит:

– Делать нечего, что ли, Калгаме! Говорят, он серьёзный великан, некогда ему шутки шутить. Так и признайся честно: хотела всласть поспать!

– Ох, какой он страшный, этот Калгама! – гнёт Койныт своё. – Вровень с лесом, весь мохнатый как медведь, зубищи – во, как у тигра! Насилу от него убежала...

– Ладно врать-то! – не верит Чумбока. – Вон и постели твоей нет. Признайся: унесла её в укромное местечко да и дрыхла там в своё удовольствие. А тут рыба протухла. Плохая ты хозяйка?

– Это я-то плохая? – Койныт вскочила, руки в бока упёрла и ну наступать на мужа. – А ну, повтори-ка, что сказал. Может, не так расслышала?

Только Чумбока повторить хотел, как в дверь стукнули. Уже давно замечено: в неё всегда в самый неподходящий момент стучат. Но тут, может, и к месту, потому как Койныт уже была готова вцепиться в волосы мужа. Если уж она ссорилась, то куда только вся её сонливость девалась!

Открыл Чумбока дверь, глядь: перед ней лежанка Койныт валяется. Ну, не сама же она пришла, нет у постели ног. Ясно: кто-то принёс. А кто? Никого в округе нет. Только в отдалении дерева качаются, будто кто-то их рукой раздвигает.

– А! Великан-невидимка идёт! – догадался Чумбока. – Вернул, однако, лежанку Койныт. Значит, не приснился он ей. Ну и дела!

А Койныт-то, болтливая, соседке о своём приключении по секрету рассказала, та – другим женщинам. Скоро всё село над засоней смеялось!

Вспомнив об этом, Калгама даже расстроился. Мало того, что над Койныт и Чумбокой люди теперь втихомолку пересмеиваются, так опять он невольно подшутил: увёл добычу из-под носа.

– Нехороший ты, Калгама, – бранился Чумбока. – Оставил людей без свеженины! Что, пустую похлёбку теперь хлебать?

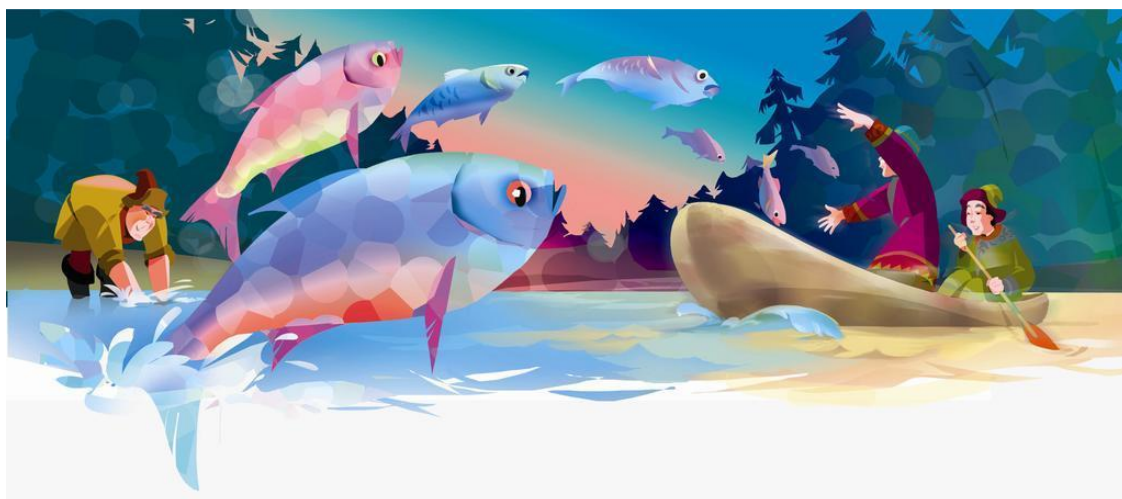
Это он, конечно, ради красного словца сказанул. У Чумбоки в амбаре и соленая, и вяленая рыба – полным-полно. Никак уж голодным не останется. Но у других-то и вправду еды нет.

– Помочь надо, – решил Калгама. – Вон по реке косяк толстолобиков плывёт. Хорошая рыба, вкусная, я сам её люблю. Придётся поугорать её немножко!

Толстолобики, между прочим, очень боязливые. Стоит в воде, допустим, камешками постучать, как они начинают в панике на поверхность выпрыгивать. Так и скачут, так и скачут! А у страха-то глаза велики – не разбирает рыба, куда прыгает. Так и в лодку рыбаку попасть может. Никаких снастей не надо.

Вошёл Калгама в реку, хлопнул в ладоши под водой – толстолобики испугались и ну выпрыгивать, метров по десять пролетали прежде, чем снова плюхались в Амур. Некоторые, самые большие, прямоком в лодки к людям сигнали. А те и рады!

Никто без рыбы не остался. Вечером всё село лаконилось ухой да Калгаму хвалило.

Глава вторая, в которой медведь ходит с кувшином на голове

Неправду говорят: сила есть – ума не надо. Без здоровой головы она немногого стоит. А вот даже очень слабому рассудок всегда поможет.

Хорошо, когда сильный ещё и умный. Он зря никого не обидит. Даром, что медведь могучий и голова у него большая, но ума в ней маловато. В огромном кувшине, случается, только горсточка крупы хранится. Так и соображения у некоторых – совсем чуть-чуть. А посмотришь: ух, какой здоровущий да ладный!

Как-то раз большой медведь пришёл к дому Калгамы в его отсутствие. Смотрит: во дворе стоит кувшин, и сладко пахнет из него липовым мёдом. А косолапый, известное дело, большой сластёна. Захотелось ему медка отведать. Ну, и сунул голову в отверстие кувшина. Думал: полно там мёда, а его и нет, только по стенкам размазано да на донышке чуть-чуть.

Не знал медведь: Калгама вынес посудину, чтобы её помыть. Оставил на крыльце, сам за водой на реку пошёл.

Сластёна, однако, не расстроился: принялся вылизывать сладкие остатки, да так увлёкся, что по самую шею в кувшин влез. Как это у него получилось – и сам не понял. Только вот обратно голову высунуть никак не может. Уж и так вертел башкой, и эдак, и лапами помогал – ничего не получается!

Мимо сорока пролетала. Видит: чудище стоит – туловище медвежье, а голова что-те жбан, рта нет, а ревёт басом, прямо оглушил.

Сорока так и перекувыркнулась, забыла, куда и летела. Уселась на ветку берёзы и ну стрекотать:

– Ой, смотрите все, смотрите! Никак злой дух пожаловал!

На её крик первой прибежала мышка. Встала на задние лапки, опёрлась о камушек и, затаив дыхание, уставилась на чудо-юдо.

– Страшный какой! – пискнула она. – Ты бы, тётка сорока, поменьше орала, а то он рассердится и съест тебя.

А сорока не утихает. У неё обязанность такая: обнаружит какой непорядок или опасность почувствует – тут же тревогу бить должна. За это её, кстати, охотники не любят. Увидит человека с ружьём – обязательно всей тайге о нём сообщит. Какая уж тут охота, если звери и птицы попрятаться успеют!

– А я высоко сажу, далеко гляжу, – огрызнулась сорока. – Не достанет меня чудовище. Ты бы, мышка, лучше о себе побеспокоилась. Схватит он тебя за длинный хвостик-то! Глянь, какие лапищи, а когти – глянуть боязно...

Мышка присмотрелась: и вправду страшные, на медвежьи похожие. Для неё страшнее мишки зверя нет. Ну, разве что лиса. Так от той можно и под камнем схорониться, и в глубокую норку скрыться, и меж корней дуба зарыться – попробуй, рыжая, выковырай норушку оттуда, терпения не хватит! А медведь лапищей, как лопатой, в мгновение ока норку разворошит. Крепкие корни ему перекусить – что морковку схрумкать. Сколько уже мышковых сородичей, проклятый, погубил! И вообще, нет от него никакого житья ни мышам, ни колонкам, ни бурундукам, ни хорькам – всех мелких животных запугал.

– Ох, да не медведь ли это? – сообразила мышь. – Надел кувшин на голову – думает: никто его не узнает!

Косолапый услышал её – ещё громче зарычал. А сорока боязливо перепрыгнула на веточку повыше и по-прежнему своё талдонит:

– Мышь, ты слепая, что ли? Медведь шутки не любит. Зачем бы он стал кувшин на голову надевать? Злой дух, вот кто это!

Мышь обиделась, что её слепой назвали. Нюх-то она не потеряла. Чуткий у неё нос, любого зверя по запаху различит. Ну, разит медведем – и всё тут! Правда, и пчёлами тоже пахнет. Вот это обстоятельство и удивляло мышку: что же это за животное такое?

Пока она снова и снова старательно принималась, прилетела птичка-синичка. Послушала сороку и мышь, сама оглядела чудище со всех сторон. Хотя и маленькая, а смелая: не побоялась к нему близко-близко подлететь. Уж медведя-то она точно узнала! Этот зверь её гнездо разорил, всех птенчиков поел. Как ни плакала синичка, как ни упрашивала медведя их пожалеть – он лишь ухмылялся в ответ, изверг! А что маленькая птичка может сделать с большим и сильным зверем? Да ничего! Разве что подлететь со спины да клонуть. Но это медведю что комариный укус: отмахнулся и дальше вперевалку по тайге потопал. Хозяин!

– У! Супостат! – закричала синичка. – Узнала я тебя, узнала! Вон, сбоку клок шерсти выдран. Это барсук тебя цапнул, когда ты барсучонка похитить хотел.

Медведь синичку услышал, замотал горшком и жалобно попросил:

– Помоги мне, птичка-синичка! Больше обижать тебя не буду.

Синичка, может, и помогла бы ему, но как? Горшок снять – силёнок не хватит. Да и посулам медведя не поверила: ему пообещать, что два желудя проглотить. У бессовестных слова, что пузыри на луже: лопнут – и следа не останется.

Сорока с мышкой тоже наконец-то медведя узнали.

– А! Попался! – закричала сорока. – Ну, погоди, надёргаю я шерсти – гнездо устелю, всё какая-то польза от тебя!

– А я лапы ему искусаю! – пискнула мышь. – Пусть от боли попрыгает!

– Смотри, как бы он не притопнул тебя, – остерегла синица. – Давайте подождём Калгаму, пожалуемся на медведя – устроит великан ему выволочку, мало не покажется.

– Да когда-то ещё Калгама явится? – сказала мышь. – Нет уж, пощечочу я пятки медведю. Пусть помучается!

И она принялась кусать лапы медведя. Ух, как он завертелся, заподпрыгивал! Но мышь юркая, успевала увернуться от его притопов.

– Э! Смилуйся! – взревел медведь. – Знаю, ты добрая. Лучше помоги мне, никогда не трону ни тебя, ни твоих родичей.

– Так я и поверила! – хмыкнула мышь.

Сорока шерсть у медведя выдирает, синичка спину клюёт, мышь лапы кусает. Косолапый уже не знает, куда и деваться от них.

– Ну, задам я вам жару! – заругался он. – Сниму горшок с головы – держитесь! Не поздоровится вам, глупая мелюзга!

Синичка первой сообразила: обиженный медведь ещё лютее станет, совсем от него житья не будет. Уж если его наказывать, то так, чтобы навсегда отбить охоту вредить лесным жителям.

Подозвала синичка к себе сороку с мышью:

– Посоветуемся, что делать. Только тише говорите, а то он всё услышит.

Шептались-шептались и придумали-таки мсть.

– Ладно, – застрекотала сорока. – Так и быть, поможем тебе. Тут неподалеку большой валун есть. Подведём тебя к нему – разобьёшь горшок об него.

– Только не забудь: обещал не хулиганить! – напомнила хитрющая мышь.

– Хорошо, – согласился медведь, а сам думает: «Погодите! Дайте только свет белый увидеть, уж я с вами расправлюсь».

– Иди на мой голос, – сказала синичка. – Я впереди полечу, путь укажу...

Пошёл медведь за синичкой вслепую. Мышка рядом бежит, подсказывает, где кустик обойти, где камушек перешагнуть или в колдобину не попасть. Сорока тоже старается, орёт во всё горло: «Направо иди, налево сверни!»

Подвели они медведя к обрыву. Под крутояром камни лежат, вода так и бурлит. Страшно!

– Ну, вот и дошли, – пропищала мышка, да как хватит медведя острыми зубками за пятку – тот и свалился с верхотуры! Чуть на Калгаму не угодил. Великан воду там набирал. А тут – шмяк! – на прибрежные валуны что-то большое, мохнатое падает, и во все стороны глиняные черепки разлетаются. Во, дела! Поставил Калгама на песок мэлоки – берестяные вёдра, удивляется: медведь лежит. Как такой осторожный и сильный зверь сорвался с крутояра? Не иначе, столкнули его оттуда.

Медведь шибко разбился. Лежит, стонет, даже лапами шевельнуть не может.

– Бедолага! – пожалел его Калгама. – Что ж ты неосторожный такой?

– Он твой горшок разбил! – застрекотала сорока. – Чего мишку-воришку жалеть-то?

– И поделом ему досталось! – добавляет синичка. – Разбойник он!

– Мы специально его наказали, – сказала мышь. – Пусть не думает: сила есть – ума не надо!

– Маленькие бывают удаленькие, – подтвердил Калгама. – А горшка мне не жалко. Другой куплю. Однако негоже раненого тут оставлять. Погибнуть может.

– И пусть! – мстительно прострекотала сорока. – Одним разбойником в тайге меньше станет!

– На всякую силу найдётся другая сила! – вторит ей синичка. – Теперь все будут знать: ум и смекалка – тоже оружие!

– Кто бы спорил? – пожал плечами Калгама. – А я другое знаю: добро всегда победит зло. Всё-таки надо медведя вылечить.

– Такой большой, а глупый! – рассердилась мышь. – Меня ещё бабушка учила: не хочешь получить зла – не делай добра, вот так!

– Да с чего ты это взяла? – засмеялся Калгама.

– Точно знаю! – подбоченилась мышь. – Всё прошлое лето только и знала, что запасы на зиму делала. Умаялась, пока всю кладовку под завязку провиантом забила. Ну, думаю, затрепчат морозы, а у меня в норке сухо, тепло, еды полно – никаких забот! И что вы думаете? Постучался ко мне крот. «Пусти, хозяйка, погреться, – просит, – в моём жилище холодно, совсем замёрз». Мне не жалко, пусть согревается. А он посидел, посидел, в брюхе у него заурчало: «Голодный я, давно ничего не ел». Поняла намёк, угостила его юколой. Он всё слопал, даже спасибо не сказал. «А можно, я вот тут, в уголке, переночую?» – спрашивает. Ночуй! Вдвоём не так боязно. А утром опять: «Ох, проголодался я...» Для одной себя я, может, ничего бы и не готовила – перекусила тем, что есть. А тут – как же, гость в доме, расстараться надо, показать, какая ты хорошая хозяйка. Я ему и то, я ему и сё, доотвала кормлю. Ну, думаю, погостит, да уйдёт. Не уходит, однако, крот. А однажды пошла я на раздобытки – захотелось мороженой клюквы, она ведь всю зиму под снегом лежит, только не ленись её собирать. Возвращаюсь, и что вижу? Дверь нараспашку, ветер по норке гуляет, в кладовой – пусто, лишь несколько зёрнышек чумизы в пыли валяются. Обворовал меня крот. Вот как за добро заплатил!

– Неблагодарный он и жадный, – вздохнул Калгама. – Бывают и такие. Не повезло тебе. Но это не значит, что никому теперь верить нельзя...

Взял он раненого медведя на руки и отнёс к себе. Всякими целебными травками его лечил, ягодой лимонника кормил – она силы возвращает, живительными отварами раны смазывал. Помаленьку пришёл медведь в себя, а вскоре и совсем выздоровел.

– Спасибо, – говорит Калгаме, – выходил ты меня, спас от смерти. Век не забуду! Всё, что захочешь, для тебя сделаю.

– Не обижай зверей и птиц, – попросил Калгама. – Ничего подобного с тобой не случилось бы, если бы не вредил им.

– Понял я, всё уразумел! – закивал медведь. – Сильный должен быть добрым, как ты.

– Ну, уж! – смутился Калгама. – Я не самый сильный. И мне иногда помощь требуется.

– Рассчитывай на меня, – сказал медведь. – Я тебе тоже могу пригодиться.

На том и разошлись.

Глава третья, в которой Калгама отправляется на смотрины прекрасной Фудин

Однажды в полдень, когда Калгама отдыхал в тени могучего дуба, к нему подъехали пять мэргэнов верхом на конях. Мэргэнами в тех краях называли молодых богатырей. Эти были, как на подбор, высокие, стройные, в красивых одеждах, у каждого за плечами – лук и кожаный колчан с серебряными стрелами. Сразу видно: богатые и знатные!

Увидев Калгаму, они не испугались – поразились:

– А мы считали: рассказы о великанах – выдумка. Никогда не встречали таких гигантов!

– Не всё ложь, что люди говорят, – заметил Калгама. – Проходите, гостями будете.

Мэргэны от угощения не отказались. Издалека путь держали, даже зёрнышка чумизы с утра во рту не было.

– Куда ж вы путь держите? – спросил Калгама, когда юноши поели.

– Скрывать не станем, едем к хозяину селения Тунгу, – ответил один из мэргэнов. – Его дочери пора замуж выходить. Вот он и решил выбрать ей мужа...

– А зовут её Фудин, – добавил другой мэргэн. – Очень она красивая. Даже солнце зажмуривается, когда на неё смотрит!

– А почему отец ей жениха выбирает? – изумился Калгама. – Девушка сама должна решить, кто ей по сердцу.

– Отец лишь смотрины устраивает, – пояснил третий мэргэн. – Фудин жениха по своему уму выберет. Говорят, особенное испытание женихам готовит. Кто его пройдёт, тот и снимет с неё свадебный халат...

– Мы любое испытание пройдем, – похвалился четвёртый мэргэн. – Силой не обижены, голова на плечах не только, чтобы шапку носить. Кого-то из нас Фудин выберет!

– А что? – вдруг сказал пятый мэргэн. – Может, и ты с нами отправишься? Ты молодой, крепкий, не жадный – самой вкусной едой накормил, ничего не пожалел. Что, если ты Фудин понравишься? Ну, попробуй счастье! Давай поедем вместе с нами!

– Испугается она его, – усмехнулся первый мэргэн. – Калгама, конечно, молодой, но красоты в нем мало, – и подбоченился эдак гордо: сам-то он красавец хоть куда.

– А этих девушек сам келе-чёрт иногда не поймёт, – заметил пятый мэргэн. – И тот им не такой, и этот не эдакий... Посмотришь: красивый парень страдает, сохнет от любви, а девушка – никакого внимания: ей другой нравится, совсем не мэргэн.

– Ну, мы-то уж обязательно приглянемся! – не сомневался первый мэргэн. – А ты, Калгама, для интереса тоже можешь с нами поехать. Хоть на людей посмотришь...

– Путь дальний, – сказал третий мэргэн. – Мы на лошадях. А тебе, Калгама, ехать не на чем...

Тут Калгама вспомнил о медведе. Этого зверя все представляют ленивым и неповоротливым: увалень, мол! А он, между прочим, быстро бежит, даже оленя догоняет. Его, как коня, можно оседлать. Ведь обещал, если потребуется, Калгаме помочь.

– Есть на ком ехать! – воскликнул Калгама. И как свистнет, аж дуб к земле пригнулся.

На его свист медведь прибежал. Мэргэны, как увидели его, за луки схватились.

– Стойте, не стреляйте в него! – остановил их Калгама. – Это мой медведь. Будет мне всё равно, что лошадь.

А кони мэргэнов на дыбы взвились, глазами закосили, заржали, копытами забили. Испугались косолапого!

– Ну, как же мы вместе поедem? – засомневались мэргэны. – Лошади понесут. Боятся они медведей. Да и как-то неприлично: мы всадники, всё честь по чести, а рядом – на медведе кто-то сидит... Что о нас подумают?

Калгама уже привык: люди о нём всякое думают, чаще всего плохое. Потому что он не такой, как все. Ну, так что ж этого? Пусть считают, что хотят. Всё равно всю правду о себе только он сам знает.

– Ладно, – сказал Калгама. – Езжайте сами по себе. А я в селение Тунгу путь найду. Позже в путь отправлюсь.

Сели мэргэны на коней и ускакали. Лошади от испуга, что медведь их задрать может, быстрее птицы унеслись.

А Калгама переделал всё по дому, медведя снова из тайги позвал:

– Отвези меня в Тунгу!

Отправились они в путь. Медведь дороги не разбирает: где по буреломам продирается, где речки переплывает, в болотах путь находит, да и сопки не обходит – напрямки прёт! Захотят попить – воду из родников зачерпывают, проголодаются – ягоды полно: и малина, и смородина, и жимолость. Косолапый ещё и сочных корешков нарывает, луковиц саран накопает, чилим – водяной орех добудет. Едут, и в ус себе не дуют.

На три дня позже мэргэнов в путь отправились, а в Тунгу раньше их приехали. Вот какой медведь быстросходный!

Тунгу пустое стоит. Ни одного человека в селении нет. Куда все подевались? Вездесущая сорока подсказала:

– Калгама, отправляйся на берег реки. Там амбар увидишь, наверху Фудин сидит...

Великан удивился. Зачем, думает, девушка на амбар залезла. От женихов спасается, что ли. Как-то непонятно всё это. Но вспомнил, как пятый мэргэн о поведении красавиц отзывался, и успокоился. Что девушке иногда в голову взбредёт – она и сама заранее не знает. Обычное дело.

Велел Калгама медведю в лес идти. Неровен час, кто-нибудь увидит большущего топтыгина – перепугается, да и убить могут. А сам великан пошёл на берег реки. Там людей видимо-невидимо. Смотрят на высокий амбар, на крыше которого Фудин сидит. Но как Калгама подошёл, все на него оборотились:

– Ой, какой большой да страшный!

Отец Фудин выступил вперёд, сказал:

– Ты смахиваешь на злого духа! Люди остроголовыми и трехметровыми не бывают, да и шерсти на нас нет. Зачем сюда явился? Вот, позову шамана – он хорошо камлает, все келе его боятся. Уходи подобру-поздорову!

– Меня зовут Калгама. Виноват ли, что таким на свет родился? Какой уж есть!

– С добром ли явился? – допытывается старик.

– Пять мэргэнов проезжали, сказали: ты жениха дочери ищешь, вот и захотел на Фудин посмотреть...

– Хэ! Глаза есть – смотреть не запретишь. Но как бы ты Фудин не перепугал! Ещё заикой станет, а такая кому ж понравится? Нет, уходи!

Тут пятеро мэргэнов подъехали. Увидели Калгаму – обрадовались:

– А! Друг! Как ты нас сумел опередить?

– Спасибо медведю, выручил!

Подивились мэргэны, а отцу Фудин сказали: знают, мол, великана, нечего его бояться, он и мухи зазря не обидит.

– Ладно, пусть остаётся, – согласился старик. – От Фудин не убудет, если он на неё глянет.

А девушка сама на Калгаму смотрит. Он, считай, вровень с крышей амбара – как не заметить такого? И что интересно, не напугалась она его. Напротив, пожалела:

– Все опасаются тебя, наверное. Потому ты одинокий, бедолага.

Перед Фудин свёрток лежал. Она развязала его, достала шапку и объявила:

– Эту шапку я сама сшила из шкурок самых лучших соболей. Три года старалась, орнаментом из бисера украсила её, ни одна мастерица таких узоров не знает! Брошу шапку, к кому она упадет, тот и станет моим женихом. Кто бы ни был – богатый или бедный, красивый или урод, поймает шапку – станет моим суженым!

Фудин размахнулась и бросила шапку в толпу людей. Парни бросились ловить её, но шапка, как заколдованная, кружилась над головами и ни на кого не падала. Калгама смотрел, как его знакомые мэргэны, распахивая друг друга, тоже пытаются схватить шапку, но сам даже и не пытался достать её. Ему очень понравилась Фудин, однако он и думать не смел о ней как о невесте. Куда уж ему, страшилище остроголовому, до такой красавицы!

А шапка покружилась-покружилась, да и опустилась на голову Калгаме. Все так и ахнули!

– Если Фудин тебя выбрала, то так тому и быть: станешь её мужем, – сказал отец девушки. – Наверно, ты этого заслуживаешь.

А Фудин спустилась с амбара, подошла к Калгаме и смущённо глаза потупила:

– Сама не пойму, как так получилось, что шапка на тебя упала. Но, коли она тебе досталась, делать нечего – пойду за тебя замуж.

И лукаво улыбнулась.

Глава четвёртая, в которой появляются злые Амбакта и Хондори-чако

Вернулся Калгама домой с молодой женой. Сорока ещё до того, как они приехали, разнесла весть: великан женился!

Люди в соседнем стойбище – кто порадовался, кто злословить принялся. Койныт, та прямо извелась:

– Что-то тут не то! Ну, не бывает, чтобы такая куколка полюбила эдакое страшилище! Не иначе, околдовал он её...

– А может, она сама колдунья? – шепчутся в ответ соседки. – И-и! Старики рассказывают: бывают такие волшебницы – притворятся красавицами, у мужчин от них голова не своя, а они дождутся удобного момента и съедают их, вот так!

– Как бы эта красotka и нас не съела, – забеспокоилась Койныт. – У людоедок, слыхала, аппетит отменный: всё стойбище одним махом проглатывают.

– Ой, страшно-то как! – жмутся сплетницы друг к дружке. – Что делать, как жить теперь?

– А ведь мне сон наведни приснился, – вспомнила Койныт. – Будто бы наши мужчины отправились на рыбалку, поймали рыбу: большая, как осётр, чешуя золотистая, как у сазана, плавники всеми цветами радуги переливаются как у окуня-аухи. Красивая! Никогда такой не видела. Положили её вместе с другими рыбами, а она пасть разинула и – ам, ам! – весь улов заглотала, не поперхнулась даже. Как насытилась, ещё больше стала – таймень по сравнению с ней жалкий ротан!

– Ай, злой дух, не иначе! – испугались женщины. – И что же эта рыба ещё сделала?

– Она бы и рыбаков проглотила, да хорошо, я проснулась, – самодовольно ухмыльнулась Койныт. – Проснулась – и сама не своя. К чему бы, думаю, эдакое привиделось? А! Вон, оказывается, к чему! Не иначе, Фудин всё равно что та рыба...-

Чумбока услышал эти перешёпывания и, как ни обижен был на Калгаму, заругался:

– Тёмная ты женщина, Койныт! Вечно своими снами всех пугаешь! Хоть бы раз тебе что-нибудь доброе приснилось. Как ни слушаешь тебя, людей одни неприятности ожидают, ничего хорошего в жизни не будет.

– А в ней и так ничего хорошего нет, – поморщилась Койныт. – Один и тот же халат уже второй год ношу, у других женщин то соболья шапка, то норковая, а у меня – старая, лисья, обдергайкой хожу.

– Так взяла бы, да как другие женщины, скроила себе новый халат, – заметил Чумбока. – А шапки? Разве я не добыл на охоте самые лучшие меха? Для тебя! Вон, в амбаре они лежат, пылятся, как бы мошь не побила!

– Сам шей! – заругалась Койныт. – Некогда мне этими глупостями заниматься. Мне сны нужно глядеть. Вдруг что-нибудь путное прогляжу? Недосуг мне шитьём заниматься!

А Фудин, кстати, все наряды шила себе сама. Такая рукодельница! И о Калгаме не забывала. Сшила ему куртку-капчима, украсила её пуговицами-палима: их Фудин связала из узелков – кропотливая, тонкая работа; не каждая мастерица её выполнит, легче деревянные пуговицы у проезжих купцов купить или вообще монетки пришить. Но молодая жена всё любила сама делать.

Капчиму она расшила по вороту и на манжетах ярким орнаментом – замечательно получилось, от восхищения все языками цокали. И сразу нанайскую поговорку вспоминали: «Красивый узор не вышьет женщина с плохим характером».

Калгама на охоту ходил, рыбу ловил. Хорошо молодые жили, не голодали. Не то, что некоторые, которые только чужому достатку завидовали, а сами ни лука в руках держать не умели, ни невод в реку закинуть. Кто же виноват, что плохо живут?

Фудин умела выделявать рыбою кожу. Из неё шила одежду. Давахса – кожа кеты годилась для изготовления халатов, наколенников, обуви. Из курахсы – кожи амура нанайские женщины издревле халаты кроили, да и на наколенники она годилась. Гачахса – щучья кожа шла на обувь, получалась она крепкой и прочной, долго не стаптывалась. Но лучше всего мастерить обувь из домахса – кожи тайменя или нимахса – ленка: износа такой обуви не будет! Крепкая лахса – кожа сома, может, и не такая красивая, но из неё получают для халатов и штанов-пэру.

Даже нитки Фудин ладила из рыбьей кожи. Для этого брала свежую кожу кеты или краснопёрки, расправляла её на доске и нарезала острым ножом на тонкие полоски. Калгама помогал вытягивать их в ниточки, после чего их развешивали для просушки. Крепкими нитки получались; постараться надо, чтобы разорвать.

О красавице-искуснице прослышала Амбакта. Она жила в пещере вместе с братом Хондори-чако. Оба были бусяку, но никто не знал, что они злые духи. Амбакта, как людей увидит, сразу красивой девушкой оборачивается. Никто и не догадывался: миловидное личико – лишь маска, а белозубая улыбка страшные жёлтые клыки скрывает. Хондори-чако тоже умел притворяться: робкий, слова лишнего не скажет, а если скажет, то шепотом, потому что боится – его выдаст грубый, резкий голос. Когда он рычал, то даже тигры поджимали хвосты, как пугливые собаки.

Амбакта давно Калгаму знала, и он её тоже знал. Она не скрывала от великана, что на самом деле никто иная, как бусяку. Считала: если великан не как все, то и в жены возьмёт не обычную женщину, а чертовку. Но Калгама внимания на Амбакту не обращал, как она ни старалась: уж и так, и эдак вертелась-завлекала, ему хоть бы что, лишь досадливо отмахнется как от надоевшей мухи. Можно было даже подумать: женщины вообще его не интересуют. А тут – пожалуйста, привёз откуда-то молодую супругу, да притом писаную красавицу! Ну, никак Амбакта этого стерпеть не могла.

– А! Теперича знаю, какие женщины тебе нравятся! – Амбакта мстительно сощурила свои и без того узенькие чёрные глазки. – Всё равно ты будешь мой!

Обернулась она обычной девушкой, надела старый халат, рваные пэру натянула, обулась в оло – это куски сыромятной кожи, их обматывали вокруг ступни, подвязывали к ноге ремешками. В одну руку посох взяла, в другую укулча – женскую сумочку: в ней иголки, нитки, кусочки рыбьей кожи. Посмотришь: бедная сиротинушка, одна-одинёшенька на всём белом свете, идёт-бредёт, куда глаза глядят.

Пришла Амбакта на крутояр, где Калгама с Фудин жили. Робко в дверь постучала:

– Люди добрые, дайте сироте воды напиться!

Открыл Калгама дверь:

– Здравствуй! И воды дадим, и накормим. Входи, не стесняйся! Гость на пороге – праздник в доме.

Не узнал великан Амбакту. Решил: и вправду бедная девушка пришла, нуждается в людской помощи.

– Куда путь держишь? – спросила Фудин гостью.

– Ищу лучшей доли, – потупила глаза Амбакта. – Никому-то я не нужна! Одна-одинёшенька на всём белом свете...

– Каждый человек кому-нибудь да нужен, – ответила Фудин. – Найдешь ещё своё счастье.

– Издалека, видно, идёшь: одежда поизносилась, оло истоптались, – заметил Калгама. – Отдохни у нас. Фудин поможет халат подлатать, я новые оло тебе сделаю, мне нетрудно. Да и голодная ты. Поешь чего-нибудь...

Смотрит Амбакта: в берестяных мисках полно мяса холодного, на липовых дощечках – отварная рыба кусками лежит, полоски юколы с капельками янтарного жира. Так бы всё и проглотила! Но нельзя, ей нужно робкой и несчастной притворяться. Но хлебнула-таки немножко буды – несоленого рисового отвара, мяса и рыбки по кусочку отщипнула.

– Ещё ешь, не стесняйся! – приглашает Фудин. – Калгама завтра опять на рыбалку пойдёт, ещё сазанов поймает.

– Спасибо, – робко прошептала Амбакта, а сама думает: «Знала бы ты: ваше угощение – мне на один укус! Да и тебя бы я съела, вон ты какая вся ладная, аппетитная. А то, что великан завтра уйдёт, это мне на руку. Выполню задуманное!»

Калгама с Фудин предложили бедняжке остаться у них. Жена взялась штопать её халат, Амбакта тоже достала нитки из укулча – хочет помогать. Но Фудин посмотрела на них, отмахнулась:

– Никуда не годятся! Они гнилые, сразу порвутся. Где-то ты их намочила.

– Через реки переходила, по болотам брела, – врёт Амбакта. На самом-то деле нитки у неё в сыром углу пещеры лежали.

– Я тебя научу делать нитки из рыбьей кожи, – пообещала Фудин. – А если хочешь, то подарю и согбо – костяной нож для снятия рыбьей кожи. Калгама мне новый сделает.

– Ох, какая ты добрая! – похвалила её Амбакта, а сама думает: «Не делай добра – не получишь зла! Меня бесит, когда люди позволяют себе добрыми быть. Никому ничем не желаю быть обязанной, вот так!»

– Что ты там шепчешь? – спросил Калгама. – Не стесняйся, говори громче.

– Спасибо говорю, – солгала Амбакта. – Добрые вы люди. Редко таких встречала.

Долго ли, коротко ли – ночь наступила. Хозяева положили Амбакту спать на лежанку у окна. Только она всю ночь глаз не сомкнула, всё к молодым прислушивалась, да злобные думки думала.

Утром, чуть свет, Калгама взял рыбацкие снасти и на Амур ушёл. А Фудин затопила голден-очаг, котёл с водой подвесила: собралась мясо варить. Амбакта сделала вид, что только что проснулась, потянулась, сладко зевнула:

– Надо ли чем помочь тебе?

– Сходи насобирай сладких травок, – попросила Фудин. – В мясо их накрошим, вкусно будет!

Пошла Амбакта травы собирать, а в густых зарослях орешника братец Хондори-чако поджидает её.

– Ну, что? – спрашивает сестрицу. – Скоро ли свеженинки попробуем? Проголодался я! Хочу человечинки!

– Э, нет! – ответила злодейка. – Мы Фудин не станем сразу есть. Я по-другому всё придумала. Возьму её одежду, наряжусь как она, обернусь лицом на неё похожей – стану с Калгамой жить. А ты забирай Фудин в пещеру. Только, прошу, один её не ешь. Погоди, вернусь – вместе ею полакомимся...

– Ладно, – сказал Хондори-чако. – Так и сделаем.

Вернулась Амбакта с корзинкой сладких трав. Приготовили они с Фудин обед. Вкусно поели, и тут злодейка вдруг спрашивает:

– Фудин, вот у мужчин есть обычай брататься. А у женщин как его правильно назвать? Очень ты мне понравилась, хочу быть тебе всё равно что сестра...

– Да и я не против, – отвечает Фудин. – Ты девушка скромная, приветливая. Мужчины становятся названными братьями, а ты будешь мне названной сестрой. Только не знаю, что для этого сделать нужно.

– А давай так, – предложила Амбакта, – ты мою одежду наденешь, я – твою. Поменяемся – названными сёстрами станем.

Поменялись они халатами. Сидят, радуются: сёстры теперь!

– Что-то долго твой муж с рыбалки не возвращается, – вдруг сказала Амбакта. – Пойдем посмотрим с берега: может, он с уловом домой уже идёт?

– Пойдём, – согласилась Фудин. – Я всегда хожу его встречать. Правда, рановато ещё. Он обычно возвращается, когда солнце половину дневной дороги проходит.

– А мы пока цветов насобираем, – сказала Амбакта. – Краску из них сделаем, чтобы рыбою кожу красить. Бери корзинку!

Взяли они по корзинке и отправились в лес.

Теперь уж мало кто помнит: давным-давно нанайцы использовали растения для окрашивания кожи. Например, из чачаки – так они называли синеглазку – получалась синяя краска. Пригоршню лепестков заворачивали в марлю и натирали шкурку. Это приходилось повторять несколько раз – тогда цвет выходил ярким, насыщенным, как весеннее небо!

– А мне ещё и гакта – гриб-дождевик нужен, – вспомнила Фудин. – Хорошенько растолку его в ступке, воды добавлю – бурая краска получается. Покрашу охотничий халат Калгамы.

– Мне нравится желтый цвет – персо, – сказала Амбакта. – Краску делают из наростов на дубах. Но это ты, наверно, и без меня знаешь. Жёлтый халат – очень красиво!

– Ты забыла: Калгама в тайгу на охоту ходит, – напонила Фудин. – Жёлтую одежду издали видно! Промысловик неприметным должен быть. Бурая краска – самая подходящая, среди деревьев охотника и не заметишь...

– И то верно, – поддакнула Амбакта. – Но наросты с дубов соскабливать трудно. Вон, смотри: заросли орешника! Каждый орешек лещины в зеленой сумочке. Из них тоже бурая краска получается.

– Ты права! Пойду насобираю орехов лещины, – решила Фудин. – А ты пока лепестки чачаки собирай. Покрасим твой халат. Будет как новенький!

Амбакте только того и надо, чтоб Фудин к орешнику подошла. Там Хондори-чако прятался, ждал, когда жена Калгамы к нему ближе подступит.

Фудин ничего дурного не подозревала. Нагибает ветки лещины, собирает орешки – уже в самую гущу зарослей зашла. Тут и схватил её Хондори-чако!

– Помоги, названная сестрица! – просит Фудин. – Бусяку меня поймал!

– Глупая ты, глупая! – рассмеялась Амбакта. – Я сама бусяку, а это братец мой Хондори-чако. Красивые девушки для него – лучшая еда! Да и я не откажусь полакомиться.

Фудин принялась Калгаму звать, да только далеко он – не слышит её. Амбакта веселится, припрыгивает от радости:

– Как ловко я тебя, красавица, провела! Слишком ты добрая. Сердечность мешает зорко смотреть. Но хорошо, что ты добрая: такие люди самые вкусные. Ох, как хочу тебя поскорее съесть!

Фудин совсем испугалась, плакать стала. А Хондори-чако ещё вроде как и пожалел её:

– Не плачь, – говорит. – Не станем мы тебя сейчас есть. Ещё поживёшь. А если мне понравится сможешь, то женюсь на тебе. Никогда таких красивых женщин не встречал.

– Бессовестный ты! – рассердилась Амбакта. – Всё о себе только думаешь!

Ничего не ответил сестрице Хондори-чако. Обернулся он чёрным вороном, подхватил Фудин и полетел к своей мрачной пещере в горах.

– Хочешь-не хочешь, а полакомлюсь я мясом Фудин, погрызу её сахарные косточки, – облизнулась Амбакта. – А пока женой Калгамы побуду. Давненько хотела я его заполучить!

Вернулась бусяку в дом. Села у окна, корзинку с чачакой на стол поставила – перебирает лепестки, в ступку бросает. «Пусть, – думает, – Калгама видит: я совсем как Фудин – хозяйственная. Хорошо, она успела обед приготовить, я не люблю человеческую еду варить. Но, видно, придётся привыкать, если стану с Калгамой жить...»

Вскоре великан вернулся. Много рыбы принёс. Смотрит: сидит его жена у окна, а бедной девушки нет.

– Куда наша гостья ушла? – спрашивает.

– Как ни упрашивала её остаться – ушла она, – притворно вздохнула Амбакта-Фудин. – Пошла своё счастье искать.

– Может, повезёт ей, – сказал Калгама. – Только бы к бусяку не попала! Они умеют добрыми людьми притворяться.

– Да уж! – притворно вздохнула Амбакта-Фудин. – Неопытные девушки вечно в какие-нибудь истории попадают.

Как ни старалась Амбакта-Фудин изменить голос, а не получался он у неё тоненьким да звонким. Калгама это, конечно, заметил.

– Что с тобой? – спросил. – Почему у тебя голос срывается?

– Чачаку собирала, жарко мне от солнца стало, вот и попила холодной воды из родника, – соврала Амбакта-Фудин. – Простыла, горло теперь болит...

– Давай чаю горячего попьем, – предложил Калгама. – Я тоже ноги промочил.

Попили они чаю, только Амбакта-Фудин всё равно хрипит – вороной каркает, не похож выговор на голос жены.

– Молчи, ничего не говори, – посоветовал Калгама. – Так горло быстрее вылечится...

Легли они спать, а у жены тело какое-то колючее. Удивился Калгама:

– Что это с тобой? Кожа как у орехов маньчжурской лещины – такая же колючая.

– В корзинку посмотри! Старалась, собирала орешки, хочу приготовить краску из них, – сказала Амбакта-Фудин. – Вот, наверно, и налипли на меня колючки...

– А изо рта почему так пахнет? – принялся Калгама. – Раньше ты дышала, будто весенний ветерок дул.

– Юколы поела, – соврала Амбакта-Фудин. – Лежалая она была, но не пропадать же добру.

Поверил ей Калгама. Но и на следующий день – жена сипит, кожа у неё грубая, колючая, изо рта пахнет, что же происходит? Обличьем вроде Фудин, но что-то в ней не то. Амбакта-Фудин, однако, находила оправдание:

– Крапиву рвала – стала колючая, как она. А то, что голос такой, не виновата: рыбу ела – косточкой подавилась, насили откашлялась. Это ты костлявую рыбу-косатку поймал! И что делать, если юколу грызть люблю? Хороший муж не запрещает жене кушать, что ей нравится.

– Ладно, – кивнул Калгама. – Не виню я тебя ни в чём! Только одна сказка мне вспоминается, никак из головы не идёт.

– Ой! Люблю сказки слушать! – обрадовалась Амбакта-Фудин. – Никогда ты мне их не рассказывал. Расскажи!

А сама думает: «Интересно, что это за сказка? Вдруг в ней есть для Калгамы подсказка, а? Как ни доверчив, а ума-то не лишён. Неровен час, обо всём догадается!»

– Да мало ли что старые люди навдумывали? – сказал Калгама. – Даже рассказывать неохота!

– Ой, не томи! Расскажи! Люблю всякие истории слушать, – попросила Амбакта-Фудин и голову на колени мужу положила – приготовилась слушать

– Давно это было, – начал рассказывать Калгама. – Так давно, что уже и не помнит никто тех времен. Жила одна девушка. Красивая, как ты. Увидел её Мэргэн – полюбил. Она его женой согласилась стать.

– А шапку с амбара бросала ему? – перебила Амбакта-Фудин.

– Нет, – ответил Калгама. – У них всё иначе было. Жили-поживали, все их счастьем завидовали, особенно одна бусяку. Пришла она в отсутствие Мэргэна к его жене, притворилась доброй женщиной. «Пойдем, – говорит, – чилим-водяной орех собирать. Хорошее место знаю.

Мэргэн чилим любит, приготовишь ему угощение». Привела её на озеро да и утопила, а сама обернулась молодой женой. Мэргэн подмены не заметил.

– Да как же это так? – притворно удивляется Амбакта-Фудин. – Бусяку ведь на обычную женщину не похожа!

– Такая уж она хитрая – смогла Мэргэна обмануть, – вздохнул Калгама. – Мужчина, когда любит, слепым становится. Не перебивай меня. В общем, живут они по-прежнему душа в душу, а девушка под водой томится. Мужа, дом вспоминает, а вылезти не может: камень на шее. Год на дне пробыла. Стало ее илом и песком заносить.

А недалеко был один дом. Жили в нем старик со старухой. Раз в году к ним с неба табун оленей спускался. Старик их пас, в озере купал и поил. Вот пришло время – спустился табун с неба. Старик повел оленей на водопой. Заметил: что такое, никогда раньше на озере лотосов не было, теперь они появились – листья большие, цветы – свежие, красивые, в воде отражаются.

– Сказки всё это! – фыркнула Амбакта-Фудин. – Не бывает таких стариков и небесных оленей!

– Иногда на свете бывает такое, что и выдумать нельзя, – рассмеялся Калгама. – Но ты дальше сказку слушай! Спрятался старик в кустах, сидит, прислушивается...

– А олени-то куда девались?

– Они на небо улетели, – сказал Калгама. – Побоялись к воде подойти. А старик сидит, ждёт: что будет? Вдруг слышит: над озером стон раздается: «Последнее дыхание выпускаю... Мэргэн, услышь меня: умираю я!» Старик волшебником был. Достал серебряное зеркальце, глянул в него, видит: Мэргэн живет недалеко от озера, рядом с ним женщина-бусяку сидит. «Э! – понял старик. – Вон оно что!» У него была маленькая птичка, вынес он ее на улицу, шепчет ей: «Ты всегда была осторожной, послушной. Лети к Мэргэну, всё ему расскажи...» Как-то утром Мэргэн на улице сидит, что-то ножом тешет. Птичка подлетела к нему, запела. Мэргэн по-птичьи понимает. Выслушал ее, пошел к старику. Поклонился ему. Тот Мэргэну говорит: «Э-э-э, с кем ты живешь? Ты с бусяку живешь, она твою жену погубила».

– Ай, негодяйка какая! – Амбакту-Фудин притворилась испуганной, к Калгаме плотнее прижалась. – Страшно-то как! Ах, уж эти бусяку!

– Если боишься, перестану рассказывать, – забеспокоился Калгама. – Да что с тобой? Дрожишь, руки похолодели. Не уснёшь теперь.

– Нет-нет, рассказывай! – просит Амбакта-Фудин. – С тобой ничего не боюсь.

– Мэргэн выслушал рассказ старика и заволновался: «Как же спасти жену?» А у волшебника-дедушки был шелковый невод. Бросили его в озеро, стали им несчастную утопленницу ловить. Вытащили ее.

– Не испугался её Мэргэн? – спросила Амбакта-Фудин. – Ведь долго в воде лежала. Наверно, кожу рыбы объели – одни кости остались. Зачем такая жена Мэргэну нужна?

– Странные ты речи говоришь, – оторопел Калгама. – Мэргэн её любил! А то, что стала скелетом, не её вина. К тому же, старик со старухой умели людей лечить. Долго пришлось им врачевать жену Мэргэна, а он всё расстраивается: «Ничего-то я не знал, не понимал, что бусяку меня обманула. Жене надо было рассказать, что к ней женщина-бусяку ходила. Я бы её убил!» А волшебник говорит: «Не брани жену! Она сама ничего не знала». Долго ли, коротко ли, а вылечили старики жену Мэргэна. Обрадовался он: «Поехали домой!» А старик ему советует: «Пока жену с собой не бери. Пусть у нас останется. Отправляйся домой один, накажи бусяку!»

– Однако, мало того, что бусяку хитрые, они ещё и сильные, – сказала Амбакта-Фудин. – Эта женщина-колдунья могла проглотить Мэргэна! Он не шаман, не знает, как бусяку победить.

– Не переживай за него, – засмеялся Калгама. – Мэргэн находчивый. Приезжает домой, видит: неспокойна бусяку, вещи побрасывает, сердится. Догадалась, видно, что нашёл он жену. Мэргэн, как ни противно ему было, обнял ее и предлагает: «Жена, помоги мне гиол-весло

тесать». Бусяку согласилась: «Давай!» Мэргэн большое толстое дерево срубил, стал делать весло. «Жена, держи другой конец дерева», – говорит. Она старается, держит, но глаз с Мэргэна не сводит. Может, ты, любимая жёнушка, не знаешь: вся сила бусяку в глазах. Пока глядит на тебя – ни за что верх над чёртом не возьмёшь. Ну, он её обманывает: «Гляди-ка, кто это по реке плывет?» Бусяку заинтересовалась: «Где? Не вижу никого! В какую сторону смотреть?» А Мэргэн изловчился и топором ей голову отрубил. Чтобы она не ожила, развёл костёр, да и сжёг бусяку. Только пепел от неё остался. А Мэргэн забрал жену от стариков, вернулись они домой и стали жить, как прежде.

Лже-Фудин дослушала сказку и даже зубами заскрипела от злости: не понравился ей счастливый конец. Жалко ей женщину-бусяку, которую Мэргэн погубил, всё-таки она с Амбактой одного рода-племени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.